

А. В. Резякин

РЕВОЛЮЦИЯ и ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»

М.: Наука. 1988. С.246-267.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

В настоящее время к вопросу о социально-экономических итогах французской революции XVIII в. привлечено внимание историков как в нашей стране, так и за рубежом. Решение этой «большой и сложной проблемы требует обращения к экономической истории Франции первой половины XIX в.»¹

Значительные исследования в этой области за рубежом проводились в течение последних 20—30 лет. В их результате многие немарксистские историки считают, что революция XVIII в. затормозила капиталистическую индустриализацию Франции. Французский исследователь Морис Леви-Лебуайе прямо пишет, что, с точки зрения своих экономических последствий, она явилась «национальной катастрофой»². Его оценка подхвачена рядом других авторов и солидных изданий³.

Тормозящей роли французской революции дается двоякое объяснение. Часть историков утверждает, что она замедлила технический прогресс во французской промышленности, возведя на долгие десятилетия политические и социальные преграды на пути заимствования машин из Англии. На их взгляд, это привело к «застойности» и «архаизму» экономики Франции, а в результате — и к ее промышленному «отставанию» от Англии. Начало индустриализации Франции эти историки датируют не ранее чем серединой XIX в. Причем они расценивают как безусловно предпочтительные по сравнению с французскими, как единственно отвечающие требованиям прогресса формы и методы английской индустриализации. Такое резкое противопоставление экономического развития Франции и Англии в XIX в. характеризует преимущественно англо-американскую историографию⁴.

Напротив, другие историки, основываясь на новых научных данных, отвергают «идеализацию» английской «модели» индустриализации и подчеркивают достижения в развитии французской промышленности первой половины XIX в. При этом они отнюдь не ставят эти достижения в заслугу революции, которая, по их мнению, привела лишь к неоправданной трате национальных интересов и времени на «непроизводительные» цели и без которой удалось бы достигнуть еще большего успеха.

Они считают, что революция XVIII в. на четверть столетия искусственно приостановила во Франции процесс индустриализации, блестяще начавшийся еще до 1789 г., т.е. почти одновременно с этим процессом в Англии, и с трудом возобновившийся лишь после 1815 г., когда Англия ушла уже далеко вперед.⁵ Вывод о тормозящей роли революции XVIII в. в экономическом развитии Франции служит обоснованию концепции ее современных буржуазных критиков, подвергающих сомнению вообще ее необходимость как прогрессивного явления в становлении капиталистического строя⁶. Уязвимость этого вывода становится очевидной уже при анализе его методологических посылок. Неправомерен сам подход к оценке влияния революции на экономическое развитие страны под углом зрения индустриализации, т.е. развития производительных сил, без учета революционных перемен в других сферах общественной жизни. Для такого подхода характерно стремление к отрыву экономической истории от истории социальной, к изучению развития производительных сил вне связи с производственными отношениями. Рассматривая революцию всего лишь как один из «факторов производства», немарксистские историки неизбежно оказываются в плену упрощенных представлений о роли этой великой буржуазной революции.

Естественно, они не находят, да и не могут найти непосредственной зависимости между революцией и прогрессом производительных сил. Между тем значение революции заключается прежде всего в том, что она была крупным социальным переворотом, покончившим с многочисленными пережитками феодального порядка и расчистившим дорогу капиталистическому прогрессу. Она явилась необходимой социально-политической предпосылкой промышленной революции, т.е. создала те общественные и политические условия, без которых невозможны коренное преобразование всех общественных отношений под влиянием машин, появившихся незадолго до нее, и дальнейший прогресс производительных сил.

Именно в этом видят значение революции для последующего социально-экономического развития Франции советские и зарубежные прогрессивные историки⁸. Они считают, что уничтожение феодальных повинностей крестьян, упразднение монополий и всякого рода привилегий, учреждение свободы частного предпринимательства, унификация национального рынка — эти и многие другие преобразования конца XVIII в. обусловили то, что революция, по словам Альбера Собуля, «в долгосрочной перспективе сыграла роль стимула» экономического развития Франции⁹. Революционные мероприятия освободили производительные силы от оков старого общественного строя, способствовали широкому применению в производстве техники и тем самым положили начало капиталистической индустриализации, т.е. развитию крупной машинной индустрии и другим прогрессивным сдвигам в экономике, и в конечном счете — позволили машине выявить свои революционный в социальном плане потенциал.

Представление о революции XVIII в. как о «национальной катастрофе» в экономическом развитии Франции все более противоречит новым данным, которыми непрерывно пополняется историография вопроса. Как будет показано ниже, они свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII—XIX вв. во французской экономике действительно наметились важные перемены, ознаменовавшие начало новой эпохи ее развития. Подчеркивая их значение, А.Собуль именно к 1800—1810-м годам относит «первую фазу промышленной революции»¹⁰.

Решающим рубежом экономического развития считают революцию XVIII в. и некоторые немарксистские исследователи. В частности, специалист по социально-экономической истории Франции наполеоновского периода Луи Бержерон датирует «начальную фазу индустриализации» также первым десятилетием XIX в.¹¹ По его мнению, в то время «сопряжение» двух факторов — быстрого роста объема производства и «технического прорыва» в ряде отраслей — «гораздо более определенно указывает на вступление Франции в индустриальную эру, чем чисто местные нововведения до 1789 г.»¹²

В целом и советские, и зарубежные новейшие исследования позволяют подвергнуть аргументированной критике оценку экономического значения французской революции как «национальной катастрофы». Вместе с тем проблема экономических последствий революции весьма сложна и многогранна. Причины этого, впрочем, очевидны. Далекое не однозначная по своим итогам, революция придавала яркое своеобразие экономическому развитию Франции первой половины XIX в. Важные его аспекты явно не укладываются в рамки «норм» исторического опыта других стран, в частности классической капиталистической страны того времени Англии. Как недооценка, так и переоценка этого своеобразия приводили в прошлом к упрощенным представлениям.

Несмотря на неизбежную отрывочность и неполноту сведений, содержащихся в литературе, панорама экономического развития Франции первой половины XIX в. представляется в настоящее время достаточно широко, чтобы судить об основных его направлениях. Главным из них, безусловно, было широкое внедрение в промышленное производство машинной техники и передовой технологии.

История технического переворота в промышленности изучена еще недостаточно. Только по отдельным отраслям — текстильной, металлургической, отчасти химической и горнодобывающей — имеются более или менее детальные сведения. Однако можно считать установленным фактом большую неравномерность в процессе протекания технического переворота в отдельных промышленных отраслях и даже технологических звеньях.

Раньше других на путь замены ручного труда машинами встала хлопчатобумажная промышленность. В этой отрасли еще в 1770—1780 гг. появилось несколько прядильных фабрик, оснащенных механическими прялками «дженни». Но до революции ручное прядение еще не было вытеснено машинным.¹³

Положение стало коренным образом меняться на рубеже XVIII—XIX вв., когда технический переворот в бумагопрядении ускорился. Так, с 1806 по 1810 г. машинное производство пряжи выросло вчетверо. Возникли новые центры бумагопрядения: «треугольник» Лилль—Рубэ—Туркуен, Париж, а также Руан с окрестностями, где в 1808 г. было сосредоточено 450 тыс. веретен.¹⁴ Всего в 1815 г. прядильная промышленность насчитывала около 1 млн веретен. К этому времени ручное прядение почти совсем исчезло. А в фабричном производстве устаревшая «дженни» была в значительной мере вытеснена более совершенной мюль-машиной. Так, в 1808 г. в парижских прядильнях 97 % веретен было установлено на мюль-машинах.¹⁵

Если в бумагопрядении технический переворот завершился в начале XIX в., то в других отраслях промышленности он в это время только начинался. В первую очередь, следует назвать бумаготкачество и ситцепечатание. В 1805 г. во Франции появился первый станок с летучим челноком, а в 1797 г. — цилиндровая печатная машина.¹⁶ В ряде местностей началась механизация производства шерстяных тканей, связанная с возникновением механического чесания, прядения и аппретуры. О переходе к машинной технике свидетельствует сокращение численности рабочих при одновременном увеличении числа станков в шерстяной промышленности департаментов Марна, Сомма, Тарн-и-Гаронна.¹⁷ Наконец, началось внедрение передовой технологии в некоторые отрасли химической промышленности, например в содоварение.¹⁸

В названных отраслях технический переворот продолжался и в дальнейшем. Причем он заметно ускорился после Июльской революции 1830 г. Например, в бумаготкацкой промышленности в 1834—1846 гг. число механических станков возросло с 5 до 31 тыс.¹⁹ На новой технической основе сложился крупный центр хлопчатобумажной промышленности в Эльзасе. Во второй четверти XIX в. начался технический переворот в шелкокрутильном и льнопрядильном производстве.²⁰ Но самым важным событием этого периода было то, что технический переворот впервые охватил тяжелую промышленность, особенно металлургию. Еще в начале XIX в. в этой отрасли почти безраздельно господствовала старая технология выплавки металла на основе древесного угля.²¹ Фактически лишь в 20-х годах родилась «новая металлургия», базировавшаяся на использовании каменного угля. В 1819—1850 гг. она увеличила выплавку чугуна в 35, железа — в 4, стали в 3 раза. К 1850 г. доля каменноугольных предприятий в производстве металлургической продукции, ничтожно малая в 1819 г., составляла: по чугуну — 4/9, по железу и стали — 7/10.²²

Важным показателем масштаба технического переворота служит распространение паровой машины. В начале XIX в. оснащенные ею предприятия оставались крайне малочисленными. В 1815 г. их насчитывалось всего 15, в основном шахт. Даже в 1830 г. число таких предприятий было скромным — 625. Начало широкого распространения паровой машины приходится только на два последующие десятилетия. В итоге в 1852 г. уже 6 тыс. промышленных предприятий располагали паровыми машинами. За это время существенно возросла их общая мощность — с 10 до 75 тыс. л.с.²³

Однако применение энергии пара неточно характеризует размах технического переворота в первые десятилетия промышленной революции. Поскольку в то время энергоёмкость машинного производства была невелика, постольку широкое применение находили другие виды более дешевой энергии. Во-первых, мускульная сила животных и людей. Например, в 1813 г. из 52 механических бумагопрядилен, насчитывавшихся в департаменте Сена, 49 использовали мускульную силу.²⁴ Во-вторых, гидравлический двигатель, который в такой сравнительно богатой гидроэнергоресурсами стране, как Франция, длительное время успешно конкурировал с паровой машиной. Еще в середине XIX в. мощность гидравлических машин в промышленности значительно — по авторитетной оценке, вдвое — превышала мощность паровых машин.²⁵ Так, в 1847 г. вода поставляла 58 % всей энергии, потреблявшейся фабриками в Нормандии.²⁶

С распространением паровой машины прямо связан технический переворот на транспорте. Первая железнодорожная линия длиной 31 км была открыта еще в 1831 г. Но в течение последующих 10—15 лет новое строительство шло медленно, и в 1841 г. Франция имела всего 500 км, а в 1845 г. — 875 км железных дорог. Решающий перелом наступил во второй половине 40-х годов, когда темп железнодорожного строительства резко ускорился. К 1850 г. протяженность железнодорожных линий достигла 2915 км, причем 70% всех дорог было построено всего за пять предшествующих лет.²⁷

В середине XIX в. железнодорожный транспорт стал важнейшей артерией экономики Франции. В 1841—1849 гг. его грузооборот возрос с 38 до 276 млн т и превысил 1/10 грузооборота всего сухопутного транспорта. А по перевозке пассажиров, увеличившейся с 6,3 до 19,5 млн человек, железные дороги оставили далеко позади все остальные виды транспорта, вместе взятые, на которые в 1850 г. приходилось около 6—7 млн человек.²⁸

Данные исследований не позволяют в настоящее время дать общую характеристику развития парового судоходства первой половины XIX в. Однако локальный пример представляется весьма показательным. В 1841 г. пароходы обеспечивали не менее половины грузовых перевозок в бассейне рек Роны и Соны, где судоходство на бечевой тяге сохранило свои позиции только при перевозке грузов вниз по течению. Они же отобрали клиентуру у конных почтово-пассажирских контор, пытавшихся еще как-то конкурировать с пароходными компаниями только при перевозке пассажиров вверх по течению.²⁹

Спрос на новую технику и оборудование, возраставший по мере развертывания технического переворота, обусловил весьма раннее возникновение и бурное развитие французского машиностроения. Его особенностью в первой половине XIX в. была тесная интеграция с теми отраслями промышленности и транспорта, которым предназначалась его продукция. Еще в начале XIX в. Париж стал крупным национальным центром производства оборудования для текстильной промышленности.³⁰ Во второй четверти XIX в. был освоен новый вид продукции — паровые машины. Их крупным поставщиком стала металлургическая компания «Шнейдер—Крез», машиностроительные цехи которой в 1845 г. размещались в 16 корпусах и могли еженедельно выпускать четыре паровые машины.³¹ В дальнейшем от этого производства отпочковалось паровозостроение. Первые железнодорожные локомотивы были выпущены еще в 1828—1829 гг. Но по-настоящему эта отрасль оживилась спустя 10 лет. В 1837—1842 гг. было построено около ста паровозов. Столько же было выпущено в течение трех следующих лет. Затем не меньше ста паровозов стали строить уже ежегодно. Благодаря этому в 40-х годах парк локомотивов быстро увеличивался: в 1845 г. на 26, в 1846 г. — на 115, в 1847 г. — на 175 машин.³² Французское машиностроение возникло как мануфактурное производство. Но уже в 1830—1840-х годах в этой отрасли отмечается применение рабочих машин³³, свидетельствующее о начале технического переворота.

Развитие отечественного машиностроения позволило Франции добиться высокой степени самообеспечения современной техникой. Пример такой сложной отрасли, как паровозостроение, показателен. До 1841 г. на железных дорогах Франции английских локомотивов было больше, чем французских. Но уже начиная с 1839 г. французское производство локомотивов превысило импорт.³⁴ В середине XIX в. французское паровозостроение полностью овладело национальным рынком и вступило в борьбу за мировые рынки.³⁵

Так обстояло дело с техническим переворотом в промышленности и на транспорте. Но наряду с ними была отрасль национальной экономики, которую технический переворот в первой половине XIX в. почти не затронул. Речь идет о сельском хозяйстве Франции, куда машинная техника начинает проникать только в 40-е годы, да и то лишь в земледелие.

И тем не менее французское сельское хозяйство не стояло в стороне от прогресса. Хотя в агротехнике в то время существенных сдвигов не произошло, зато в агрокультуре наступили серьезные перемены, связанные с началом перехода от традиционной трехпольной паровой системы земледелия к передовой плодосменной системе. В период между 1781—1790 и 1845—1854 гг. площадь под паром сократилась на 2,4 млн гектаров, или на 30%, а площадь искусственных лугов с 1815—1824 по 1845—1854 гг. увеличилась на 1,5 млн гектаров, или более чем удвоилась.³⁶ В результате к середине XIX в. существенно повысилась продуктивность сельскохозяйственного производства, а в его структуре увеличилась доля более продуктивных продовольственных, технических культур, а также животноводства.³⁷

Развертывание технического переворота, в свою очередь, обусловило другую важную черту экономического развития Франции первой половины XIX в.: общее существенное повышение темпа индустриального и сельскохозяйственного роста по сравнению с XVIII в.

Эта тенденция прокладывала себе дорогу на рубеже XVIII—XIX вв. мучительно, особенно в промышленности. В XVIII в. рост французской промышленности оставался в среднем в пределах 1% в год.³⁸ Но начиная с 1790 г. наступил глубокий спад. И хотя в 1796 г. наметилось новое расширение производства, даже в 1800 г. его объем в лучшем случае составлял всего 60% от уровня 1789 г. Тем не менее уже в течение первого десятилетия XIX в. французская промышленность не только восстановила потери первых лет революции, но и значительно — возможно, на 50% — превзошла дореволюционный уровень.³⁹ В 1803—1812 гг. промышленный рост достигал в среднем 2,3% в год.⁴⁰ Причем хлопчатобумажная промышленность — кстати, единственная отрасль, избежавшая спада и сумевшая поднять производство даже в самые драматические годы революции, — в течение 1800—1810 гг. вдвое увеличила потребление хлопка-сырца.⁴¹

Относительно высокий темп, взятый промышленностью после революции, сохранялся и в дальнейшем. В первой половине XIX в. он достигал в среднем 3% в год. Причем темп развития таких передовых отраслей, как горнодобывающая, металлургическая, машиностроительная и хлопчатобумажная промышленность, был значительно выше — от 4 до 7% в год.⁴²

Аналогичная тенденция отчетливо прослеживается и в развитии сельского хозяйства. Если в XVIII в. сельскохозяйственный рост Франции составлял в среднем всего около 0,4% в год, то в первой половине XIX в. он достигал приблизительно 1,5%.⁴³ Причем темп роста производства технических культур, находившийся в прямой зависимости от промышленного развития, намного превышал средний показатель. Так, производство рапса возрастало в среднем на 4%, а марены — на 2,5% в год. Еще быстрее росли сборы сахарной свеклы: в 1830—1847 гг. производство сахара увеличилось с 6 до 52 тыс. т.⁴⁴

Значительный технический прогресс в промышленности и на транспорте, совершенствование агрокультуры, высокие темпы индустриального и сельскохозяйственного роста противоречат представлениям о «застойности» и «архаичности» экономики Франции по сравнению с Англией. Так, в течение первой половины XIX в. среднегодовой темп промышленного роста Англии составлял 3—4%, а сельскохозяйственного — около 2%, т.е. лишь незначительно превышал французский.⁴⁵ Однако если учесть более низкий естественный прирост населения Франции в это время, то ее экономический рост в расчете на «душу населения» будет относительно более быстрым.⁴⁶

Безусловно, в середине XIX в. промышленная революция во Франции была еще далека от завершения. Технический переворот в промышленности все еще происходил крайне неравномерно. Достаточно сказать, что в 1846 г. 34 мощности всех паровых машин приходилось только на горнодобывающую, металлургическую и текстильную, преимущественно прядильную, отрасли промышленности.⁴⁷ И тем не менее капиталистическая индустриализация принесла весомые плоды: возникла крупная машинная индустрия, ставшая сердцем национальной экономики.

С ее возникновением заметно усилилась тенденция к концентрации производства, капитала и рабочей силы в промышленности Франции. Эта тенденция особенно отчетливо наблюдалась в тяжелой промышленности. В 1840 г. среди 20 самых крупных предприятий страны фигурировало 16 металлургических и горнодобывающих, 3 химических и 1 текстильное. Капиталы каждого из них превышали 3 млн фр., достигая в отдельных случаях крупных сумм — 16,35 млн фр. у химической компании «Сен-Гобен» и даже 50 млн фр. у каменноугольной компании «Анзэн».⁴⁸ В 40-х годах на крупных предприятиях тяжелой промышленности нередко было занято по нескольку сот и даже тысяч рабочих: на предприятиях компании «Вандель» — 1300, «Фуршанбо» — 1374, «Шнейдер—Крезе» — 1430, «Гран—Комб» — 1520, «Компании Деказвилля» — 2258, «Анзэн» — 6459.⁴⁹ Довольно крупные предприятия встречались и в текстильной промышленности, хотя фирма «Гро—Одье», капитал которой достигал 6 млн фр., являлась исключением. Фирма «Кешлэн—Рисле» в 1851 г. располагала капиталом в 1,35 млн фр., а фирма «Османн» в 1837 г. — 1,6 млн.⁵⁰ Все же в текстильной промышленности производство было сильно распылено. Зато в тяжелой промышленности громадная часть производства приходилась на несколько предприятий-гигантов. Так, в 1851 г. десять крупнейших горнодобывающих предприятий сосредоточили 71,13% добычи каменного угля.⁵¹

Отвергая представления о «застойности» и «архаизме», следует, однако, признать, что они являются тенденциозным истолкованием вполне реальных противоречий экономического развития Франции первой половины XIX в.: техническая и отраслевая структура ее промышленности действительно за это время изменилась очень мало.

Бросается в глаза разительный контраст в этом отношении между Францией и Англией. В 1850 г. мощность паровых машин во Франции составляла 67 тыс. л.с, тогда как в Англии — 500 тыс. л.с. Даже учитывая мощность французских гидравлических машин, нельзя сколько-нибудь выровнять этот дисбаланс. Глубоко различен был удельный вес тяжелой промышленности в экономике обеих стран. В 1847 г. выплавка чугуна во Франции равнялась 600 тыс. т, а в Англии — 5 млн т.

Чтобы выяснить причины отставания от Англии по уровню применения машинной техники в промышленности, надо рассмотреть объективные условия технического переворота во Франции. Влияние революции XVIII в. на их формирование не вызывает сомнений. В чем конкретно оно заключалось?

Как известно, применение машинной техники в производстве целесообразно для капиталиста «лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы».⁵⁴ С этой точки зрения во Франции первой половины XIX в. сложилась весьма противоречивая ситуация. Многочисленными исследованиями установлено, что, с одной стороны, произошло вздорожание индустриальной рабочей силы. На протяжении всей первой половины XIX в. французские промышленники упорно жаловались на ее дороговизну и нехватку в городах.⁵⁵ С другой стороны, в сельской местности в то время образовались значительные излишки дешевой рабочей силы.

Причины возникновения этой избыточной рабочей силы нетрудно проследить. По существу, они во многом восходят к последствиям революции. Революционное аграрное законодательство освободило крестьянскую собственность от феодальных пут и частично перераспределило земельный фонд в пользу крестьян. Тем не менее крупное землевладение в целом устояло, равно как и сопутствовавшая ему парцеллярная структура крестьянского землевладения.⁵⁶ Это способствовало аграрному перенаселению в XIX в., закреплению в сельской местности избыточной рабочей силы.

Следовательно, французские капиталисты могли снижать издержки производства не только посредством применения машинной техники, но и на базе старой ручной техники за счет использования дешевой рабочей силы в сельской местности. Иными словами, они, получили возможность отсрочить технический переворот в той или иной отрасли промышленности до тех пор, пока снижение зарплаты не натолкнется на естественные границы.

В результате во многих районах страны оживились и даже проявили способность к развитию многочисленные мелкие, технически отсталые предприятия, разбросанные в сельской местности. Главным источником их конкурентоспособности являлась эксплуатация дешевой рабочей силы сельской бедноты. Зарплата рабочих в сельской местности была вдвое меньше, чем в городах.⁵⁷ Вместе с тем эти предприятия извлекали выгоду и из использования практически даровой гидроэнергии и дешевого растительного топлива. Типичным в этом отношении был Центральный Восток Франции, где повсюду в сельской местности встречались мелкие металлургические, скобяные, ножевые, ткацкие, кожевенные, стекольные и другие предприятия, функционировавшие в зависимости от календаря сельскохозяйственных работ и сезонных колебаний в снабжении гидроэнергией.⁵⁸

Гибкой формой приспособления капитала к условиям использования дешевой рабочей силы являлись традиционные сельская домашняя промышленность и мануфактура, которые в первой половине XIX в. пережили во Франции поистине второе рождение. По одной оценке, в 1848 г. в них было занято 1,18 млн человек, или около четверти всей рабочей силы в промышленности.⁵⁹ Однако локальные исследования позволяют предполагать еще большие размеры занятости. Так, в середине XIX в. только в изготовлении вышивок, распространенном в Лотарингии и Верхней Савойе, было занято от 150 до 200 тыс. домашних работников.⁶⁰ А следует учесть еще работников и работников десятков других отраслей, особенно текстильной промышленности, в том числе ткачества, вязания, плетения кружева и др.

Вызывает споры вопрос о социально-экономическом значении сельской домашней промышленности первой половины XIX в. Многие немарксистские историки отождествляют ее с аналогичными формами организации промышленного производства в XVII—XVIII вв. Период существования сельской домашней промышленности они выделяют в особую стадию развития производительных сил — «протоиндустриализацию», которая, по их мнению, предшествовала стадии крупной машинной индустрии, т.е. индустриализации.⁶¹

Следует подчеркнуть, что отождествление сельской домашней промышленности двух различных эпох — до и после начала промышленной революции — ошибочно. С началом промышленной революции традиционные сельская домашняя промышленность и мануфактура все более наполняются новым социально-экономическим содержанием. В отличие от прежних времен они стали работать, как будет показано ниже, на мировом рынке. А главное, — если в прежние времена их организатором являлся торговый капитал, то теперь — промышленный, который, как известно, «революционизирует» общественный способ производства.

Представителей промышленного капитала побуждает к созданию сельской домашней промышленности и мануфактуры неравномерность механизации различных звеньев технологического процесса, отдельных отраслей промышленности. Например, в текстильной промышленности более быстрая механизация прядения подтолкнула владельцев крупных прядильных фабрик, стремившихся обеспечить своим предприятиям сбыт, организовать труд ткачей на дому или в мелких мастерских.⁶² В начале XIX в. активными организаторами сельской домашней промышленности были парижские фабриканты, раздававшие работу на дом до 11 тыс. рабочим на всем Северо-Востоке страны. От них не отставали капиталистические предприниматели других районов. В 20-х годах сельские ткацкие мастерские основывает в окрестностях Бельфора фирма «Мекийе—Нобло».⁶³ Примеры деятельности такого рода можно умножить. Они прекрасно иллюстрируют вывод К. Маркса о том, что «так называемая современная домашняя промышленность, кроме названия, не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью» и «превратилась во внешнее отделение фабрики».⁶⁴

По существу, сельская домашняя промышленность и мануфактура являлись переходной формой к фабрике, получившей распространение в первые десятилетия промышленной революции. Ее особенность — воспроизводство методов формального подчинения труда капиталу в конкретных исторических условиях Франции первой половины XIX в., когда реальное подчинение было еще невозможно в широких масштабах в силу сосредоточения основной массы рабочих рук в парцеллярном землевладении.⁶⁵

Это не было регрессом в процессе общественного производства, поскольку формальное подчинение труда капиталу является «всеобщей формой всякого капиталистического процесса производства»⁶⁶, а представляло собой своеобразную «экстенсификацию» общественного производства. В форме широкого распространения сельской домашней промышленности и мануфактуры ускорение промышленного роста достигалось посредством наиболее полного использования затрат труда при экономии на капиталозатратах. Еще В.И. Ленин обращал внимание на способность «капиталистической работы на дому» обеспечивать при низком уровне капиталозатрат значительное расширение производства «вследствие оживления какой-либо крупной отрасли промышленности».⁶⁷

Действительно, в первой половине XIX в. те отрасли промышленности, в которых господствовал ручной труд, смогли значительно расширить производство. Рост таких отраслей, как шерстяная, красильная, аппретурная, трикотажная, шляпная, мебельная, бочарная, скобяная, табачная, сахарная, строительных материалов (за исключением цементной), стекольная, керамическая и др., достигал показателей роста французской промышленности в целом — в среднем 2,4—3% в год. Даже самые отсталые отрасли развивались неплохим темпом порядка 1,4—1,8% в год.⁶⁸ Отсталым предприятиям в передовых отраслях, которые к середине XIX в. еще не завершили технический переворот, также удалось существенно поднять производство. В частности, древесноугольная металлургия в 1819—1850 гг. увеличила выплавку чугуна на 107%, а стали — на 65%.⁶⁹

Это «параллельное»⁷⁰ развитие крупной машинной индустрии и мелкого ручного производства задержало рост технического строения капитала в промышленности Франции, особенно по сравнению с Англией. При этом усиление экстенсивных факторов общественного производства было, по-видимому, необходимым этапом в истории индустриального развития Франции. Дело в том, что развитие сельской домашней промышленности и мануфактуры означало, по выражению Ф.Энгельса, «распространение промышленной революции на деревню» и «экспроприацию занятых в домашней промышленности крестьян при посредстве машин».⁷¹ А это и создает предпосылки перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу и, следовательно, — к интенсификации общественного производства.

Характеризуя историческое место сельской домашней промышленности и мануфактуры, Энгельс подчеркивал, что их развитие «служит только первой ступенью для дальнейшего переворота... И для них на определенной ступени развития пробьет час гибели от машин и фабричного производства».⁷² По его определению, эта «первая ступень» промышленной революции отличалась своеобразным способом ее распространения «вширь».⁷³ В социальном плане это означало, что коренная ломка всех общественных отношений, начавшаяся на рубеже XVIII—XIX вв. под влиянием машин, маскировалась в первой половине XIX в. переходными формами организации производства. В экономическом плане распространение промышленной революции «вширь» привело к «экстенсификации» общественного производства, которая обусловила относительно узкие рамки технического переворота.

Экстенсивные формы производства были характерны в то время и для развития сельского хозяйства Франции. Здесь они были связаны с распространением плодосменной системы земледелия, требующей значительно больших трудовых затрат на гектар сельскохозяйственных угодий, чем старая трехпольная система.⁷⁴

В течение всей первой половины XIX в. текущие расходы сельского хозяйства составляли ничтожную долю конечного валового продукта.⁷⁵ При этом численность только мужской рабочей силы возросла на 14,8%.⁷⁶ Одновременно получили распространение полукапиталистические формы организации сельскохозяйственного производства — испольтщина и мелкая аренда.⁷⁷

Таким образом, в первой половине XIX в. во французской деревне сложился определенный «симбиоз» экстенсивных форм промышленного и сельскохозяйственного производства, благодаря которому деревенские низы в течение года привлекались к дополнительной капиталистической работе по найму.

Остается, наконец, проблема отсталости отраслевой структуры французской промышленности, в продукции которой доля средств производства на протяжении всей первой половины XIX в. была незначительной и даже уменьшилась между 1803—1812 и 1835—1844 гг. с 21 до 11,4%.⁷⁸

Чтобы решить эту проблему, надо снова обратиться к событиям революции, на этот раз — к ее длительным внешним войнам, которые разрушили заморскую торговлю Франции, прежде всего с Англией и Америкой.

До революции внешняя торговля была процветающей отраслью экономики Франции. В 1716—1787 гг. ее оборот вырос в 10 раз.⁷⁹ С ней был связан промышленный подъем в прибрежных районах Запада и Юга страны. Крах этой торговли, обусловленный сначала восстанием во французских колониях, а затем английской морской блокадой, причинил непоправимый ущерб всему ориентированному «вне» страны сектору экономики. К окончанию наполеоновских войн его традиционными рынками уже прочно владели англичане.⁸⁰

Потеря внешних рынков имела далеко идущие последствия для французской промышленности. Уже на рубеже XVIII—XIX вв. она была вынуждена переориентироваться на внутренний рынок. Это, во-первых, изменило географию промышленного производства: его условный центр тяжести переместился с Юго-Запада на Северо-Восток. Промышленный подъем охватил центральные и северо-восточные районы страны, обращенные лицом к национальному рынку. Во-вторых, ориентация на внутренний рынок подчинила французскую промышленность весьма своеобразной структуре господствовавшего на нем спроса.

В стране, где в первой половине XIX в. наблюдался процесс «экстенсификации» производства и технический переворот происходил в относительно узких рамках, спрос на новейшие средства производства, машины и оборудование был также относительно невысок. Погоду на внутреннем рынке, безусловно, делал массовый потребительский спрос, прежде всего крестьянства, составлявшего большинство населения. Благодаря повышению покупательной способности сельского населения, связанному как с ростом сельскохозяйственного производства, так и с благоприятной конъюнктурой⁸¹, в первой половине XIX в. спрос на промышленные товары массового потребления стабильно возрастал. В период между 1815—1824 и 1825—1834 гг. покупательная способность сельского населения составляла 105%, а между 1825—1834 и 1835—1844 гг. — 2/3 всего прироста спроса на промышленную продукцию.⁸²

Преобладание на внутреннем рынке потребительского спроса стимулировало преимущественное развитие обрабатывающих отраслей промышленности, производящих готовую к потреблению продукцию, и задержало развитие базовых отраслей, выпускающих средства производства.

Подъем обрабатывающей промышленности неизбежно обострял нехватку сырья и полуфабрикатов, превращая их производство в «узкое место» экономики. Теоретически эта нехватка могла быть покрыта за счет импорта, в частности из Англии. Однако на практике это оказалось невозможно, сначала вследствие английской морской блокады и континентальной «самоблокады», а затем — в результате сурового протекционистского режима, который вскоре после окончания наполеоновских войн почти полностью закрыл французский рынок для английских товаров. Впрочем, уже континентальная блокада действовала как система крайнего протекционизма.⁸³ В этих условиях ликвидировать «узкие места» можно было только путем систематического и целенаправленного «подтягивания» базовых отраслей, производящих сырье и полуфабрикаты, до уровня потребностей обрабатывающих отраслей.

В начале XIX в. пример подала ситценабивная промышленность, достигшая высокого уровня производства раньше, чем смежные отрасли — прядение и ткачество, и до революции удовлетворявшая свои потребности в полотне во многом за счет импорта. Лишившись традиционных поставщиков, фабриканты-ситцепечатники были вынуждены расширить свою производственную деятельность на смежные «по направлению к истоку», согласно выражению М.Леви-Лебуайе⁸⁴, звенья технологической цепи, чтобы надежно обеспечить свои предприятия полуфабрикатами. Так, парижский промышленник Оберкампф, испытывая затруднения в снабжении своего ситцепечатного предприятия полотном, построил в 1805—1810 гг. механическую прядильню и в дополнение к ней организовал ткацкое производство в цехе и на дому.⁸⁵ Подобная практика наблюдалась и в других отраслях текстильной промышленности. В 1820—1840 гг. почти все шерстопрядильные фабрики Нанси были придатками сукноделия.⁸⁶ Здесь производство вышивок начиная с 1815 г. повлекло развитие хлопкопрядения и ткачества, в результате чего в 40-х годах сложился «полный технологический цикл хлопчатобумажной промышленности».⁸⁷

«Бум» в механизированном прядении и дальнейшее нарастание технического переворота привели к тому, что очередным «узким местом» промышленности стало производство машин и оборудования. Поэтому еще в начале XIX в. крупные текстильные фабрики — Оберкампа, Альбера, Ришара и др. — должны были обзавестись собственными машиностроительными мастерскими.⁸⁸ В первой половине XIX в. текстильные фабриканты Эльзаса, такие, как А. и Н.Кешлэны, Ж.-Ж.Мейер и др., распространили свою деятельность сначала на производство текстильных, затем паровых машин, а в дальнейшем — и железнодорожных локомотивов.⁸⁹ Тенденция к интеграции машиностроения наблюдалась и со стороны современного парового транспорта. В начале 40-х годов крупнейшая пароходная компания бассейна Роны («Генеральная компания судоходства») располагала судостроительными и судоремонтными верфями.⁹⁰

Ускорение железнодорожного строительства в 40-х годах вызвало повышение спроса на металл и способствовало развитию промышленной интеграции от железных дорог к металлургии. Железнодорожные компании становились владельцами доменных печей.⁹¹ В свою очередь, подъем каменноугольной металлургии обусловил интеграцию от этой отрасли к каменноугольной промышленности. Уже в 1840 г. крупнейшие металлургические фирмы — «Компания Декавилля», «Алэ», «Шнейдер—Крезе» — являлись интегрированными предприятиями.⁹²

Промышленная интеграция «по направлению к истоку», т.е. от обрабатывающих к базовым отраслям, вместе с процессом «экстенсификации» общественного производства и характеризует главные особенности индустриального развития на первой ступени промышленной революции во Франции.

Способствуя развитию и повышению удельного веса отраслей, выпускающих средства производства, в том числе уголь, металл, оборудование, промышленная интеграция «по направлению к истоку» технологической цепи была важным средством модернизации отраслевой структуры французской промышленности. Хотя основным стимулом развития промышленности долгое время служил массовый потребительский спрос, тем не менее уже в середине XIX в. базовые отрасли стали развиваться опережающими темпами по сравнению с обрабатывающими. С 1835—1844 гг. их доля в производстве промышленной продукции начала медленно, но неуклонно расти.⁹³

Необходимым условием подъема тяжелой промышленности Франции была политика таможенного протекционизма, проводившаяся до 1860 г. Она оградила базовые отрасли от английской конкуренции, которая была способна их разрушить, и обеспечила их рост. Так, введение протекционистского тарифа 1806 г. на английскую пряжу вызвало подъем механического бумагопрядения в 1806—1810 гг.⁹⁴ А запретительный тариф 1844—1845 гг. на импорт паровозов способствовал расцвету французского локомотивостроения.⁹⁵ При этом политика таможенного протекционизма проводилась довольно гибко: так, в 1834—1837 гг. высокое обложение ввоза каменного угля, потребление которого с развертыванием технического переворота возросло, было отменено в связи с его нехваткой во Франции.⁹⁶

Одновременно с началом подъема базовых отраслей исчерпывают свои возможности к дальнейшему росту сельская домашняя промышленность и мануфактура. В 30-х годах достиг своего исторического предела метод снижения издержек производства путем уменьшения заработной платы и сверхэксплуатации дешевой сельской рабочей силы.⁹⁷ Наступает тот «критический пункт», который охарактеризовал Маркс: «Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала... оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром росте конкуренции между капиталистами. Наступила пора машин».⁹⁸

Симптомы этого проявились в ходе экономического кризиса конца 40-х годов. В отличие от прежних кризисов, поражавших преимущественно еще хрупкую тогда фабрично-заводскую промышленность, он впервые нанес удар главным образом по мелким технически отсталым предприятиям.⁹⁹

Кризис конца 40-х годов положил конец параллельному развитию крупной машинной индустрии и мелкого ручного производства, характерному для предшествовавших десятилетий. Начиная с середины XIX в. традиционные отрасли промышленности Франции, отличавшиеся низким уровнем техники, вступили в период застоя и замедленного роста.¹⁰⁰ И это — на фоне весьма высокого темпа промышленного роста Франции в целом.¹⁰¹

В середине XIX в. намечаются важные перемены и в развитии сельского хозяйства: впервые возникает техническая база для крупного производства в земледелии. Так, если в 1840 г. здесь не применялось ни усовершенствованного инвентаря, ни тем более машин, то в 1852 г. насчитывалось уже 58,4 тыс. конных и 1,5 тыс. паровых молотилок, не считая разнообразного улучшенного инвентаря.¹⁰² Соответственно возросли текущие расходы сельского хозяйства по отношению к конечному валовому продукту.¹⁰³

Все эти перемены, очевидно, свидетельствовали о том, что в 40-х годах Франция достигла новой, более высокой ступени промышленной революции. Кризис сельской домашней промышленности и мануфактуры, начало механизации земледелия привели в середине XIX в. к массовому бегству из деревни бедноты — сельскохозяйственных наемных рабочих и мелких арендаторов.¹⁰⁴ Они пополнили резервную армию труда быстро растущей крупной машинной индустрии. Следовательно, расширились возможности для реального подчинения труда капиталу. Коренная ломка всех общественных отношений под влиянием машин, маскировавшаяся ранее переходными формами организации промышленного и сельскохозяйственного производства, приобрела явный характер. Связанный с новой ступенью промышленной революции процесс интенсификации общественного производства обусловил заметное повышение роли технического прогресса в экономическом развитии страны. Эти особенности промышленной революции во Франции не представляют собой какой-то аномалии, досадного отклонения от некоей «правильной» линии. Они в конечном счете отражают многовариантность путей развития капитализма в рамках детерминированного этапа исторического процесса, которая коренится в неравномерности общественного развития. Причем огромное влияние на выбор того или иного пути оказывает ход классовой борьбы.

Именно французская революция XVIII в. как решающий кульминационный этап классовой борьбы эпохи буржуазных антифеодальных движений, во многом определила ряд важных признаков французского «варианта» промышленной революции. Неизбежно возникает вопрос: в какой мере был эффективен этот французский вариант по сравнению с классическим английским?

Если оценивать эффективность промышленной революции с точки зрения развития экономики, то приведенные выше сведения об экономическом росте обеих стран говорят сами за себя. Можно добавить, что и в стоимостном выражении производство промышленной продукции во Франции даже в середине XIX в. было не меньше, а сельскохозяйственной продукции — вдвое больше, чем в Англии.¹⁰⁵

Высокая стоимость французской промышленной продукции при скромных, по сравнению с Англией, физических объемах производства основных ее видов, таких, как уголь, металл, пряжа и др., объясняется довольно просто. В отличие от английской более механизированной промышленности, выпускавшей стандартную и, следовательно, дешевую продукцию, французская промышленность «специализировалась» на производстве высококачественных, требующих ручной обработки и поэтому более дорогих товаров.

Это различие хорошо иллюстрирует следующий пример. Во второй четверти XIX в. потребление хлопка прядильной промышленностью в Англии было втрое больше, чем во Франции. Однако если сравнить итоги работы хлопчатобумажной промышленности в стоимостном выражении, то разрыв между обеими странами выглядит значительно меньше. Хотя в 1836 г. ее оборот в Англии составлял 1 млрд. фр., зато и во Франции он достигал внушительной суммы в 600 млн. фр.¹⁰⁶

Ставка на качество продукции, достигавшееся ручной обработкой, позволила французской промышленности снова после длительного перерыва выйти на мировые рынки. Уже во второй четверти XIX в. французские потребительские изделия успешно конкурировали на них с английской стандартной продукцией. Установлено, что именно спрос в Америке и в самой Англии обусловил подъем производства вышивок в Нанси.¹⁰⁷ Внешний спрос стимулировал развитие и многих других отраслей легкой промышленности. В результате был достигнут весьма высокий среднегодовой темп роста французского экспорта, который в 1815—1850 гг. составлял 3,81%. Доля внешней торговли в валовом национальном продукте возросла в 1830—1850 гг. с 13 до 19%.¹⁰⁸ В середине XIX в. прирост промышленной продукции уже на 40% зависел от увеличения экспорта.¹⁰⁹ Завоевание новых экспортных рынков отражало вступление в возраст зрелости современной промышленности, для развития которой национальные границы «недостаточны».¹¹⁰

Следовательно, к середине XIX в. французский вариант промышленной революции в целом доказал свою экономическую эффективность, и говорить об экономическом «отставании» Франции от Англии в это время вряд ли оправданно.

В чем Франция действительно отставала от Англии, так это в размахе технического переворота. Но в первые десятилетия промышленной революции отдельно взятые параметры технического переворота, такие, как мощность паровых машин и т. д., не могут служить универсальным критерием уровня экономического развития той или иной страны. Следует учитывать переходный характер этой эпохи, когда даже в самых передовых странах фабрично-заводская промышленность была вплетена в ткань мелкого ручного производства. Действительно, в силу отмеченных выше причин технический переворот во Франции происходил в более узких рамках, чем в Англии. Но при этом на его передовых рубежах Франция к середине XIX в. вряд ли в чем-либо существенном уступала своим соседям.

Весьма характерно, что такие современники промышленной революции, как К.Маркс и Ф.Энгельс, признавали Францию того времени самым передовым индустриальным государством наряду с Англией.

В 1847 г. Энгельс противопоставлял по уровню индустриального развития Францию и Англию, с одной стороны, и Германию — с другой, подчеркивая, что «во Франции и в Англии город господствует над деревней», «торговля и промышленность... служит главным источником существования народных масс», а «в основе богатства обеих этих стран лежит прежде всего вывоз изделий их промышленности».¹¹¹ В свою очередь, Маркс в 1879 г. относил Францию к числу тех стран, «где современная промышленность достигла наибольшего развития», называя, кроме нее, Англию, США, Бельгию.¹¹²

Экономическое отставание Франции от Англии как по темпу экономического роста, так и по стоимости промышленной продукции датируется не ранее чем последней третью XIX в.¹¹³ Но это уже другая историческая эпоха, связь которой с экономическими последствиями революции прямо не прослеживается.

Если же оценивать эффективность французского варианта промышленной революции с точки зрения социального развития, то вряд ли можно отрицать, что коренная ломка общественных отношений под влиянием машин сопровождалась во Франции более мягкими, чем в Англии, методами пролетаризации сельского населения.

При всех тяготах сверхэксплуатации в домашней промышленности и мануфактуре сельское население Франции было в значительной мере избавлено от крайностей английской дворянской «чистки земель» от крестьянства. Это прежде всего отражает социальное значение той победы, которой добились народные массы в борьбе против либеральной буржуазии за выбор путей капиталистического развития страны в период революции XVIII в.

Таким образом, следуя своеобразным путем социально-экономического развития, который во многом наметили итоги революции XVIII в., Франция вступила в середине XIX в. на высшую, завершающую ступень революции промышленной и подтвердила свой статус передовой капиталистической державы, который она разделяла с Англией. Представления о «застойности» и «архаизме» экономического развития Франции, ее промышленном «отставании» от Англии являются следствием односторонней интерпретации реальных противоречий ее экономического развития в первой половине XIX в., обусловленных особенностями первой ступени промышленной революции. Не менее ошибочно и преувеличение отрицательных последствий кратковременного экономического спада, связанного с революцией. Как пишет прогрессивный французский историк Серж Шассань, «несправедливо смешивать случайные последствия революционной конъюнктуры с глубокими причинами структурных преобразований, необходимо протекающих в более медленном темпе».¹¹⁴ Не будучи ни в малейшей мере «национальной катастрофой», Великая буржуазная революция сыграла в истории экономического развития и капиталистической индустриализации Франции роль важного стимула прогресса.

1 Адо А.В. Современные споры о Великой французской революции: (Историограф. обзор) Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 178.

2 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes et l'industrialisation Internationale dans la I-ere moitie du XIX siecle P., 1964. P.29.

3 Crouzet F. Angleterre et France au XVIII-e siecle: Essai d'analyse compare de deux croissances economiques Annales E.S. C 1966. N 2; Histoire economique et sociale de la France. P., 1976. T.3, vol.2 (далее: HESF); Trebilcock C. The Industrialisation of the Continental Powers, 1780—1914. L.; N Y., 1981, etc.

4 Landes D.S. The Unbound Prometheus. Cambridge, 1969; The Cambridge Economic History of Europe. L.; N.Y., 1978. Vol.6. Kemp T. Industrialisation in Nineteenth Century Europe. L., 1969; Idem. Economic Forces in French History. L., 1971 Idem. Historical Patterns of Industrialisation L., 1978; Price R. The Economic Modernization of France. N.Y.; Toronto, 1975; Trebilcock C. Op.cit., etc.

5 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes...; Idem. Les Processus d'industrialisation: les cas de l'Angleterre et de la France. Revue historique. 1968. Avr.-juin.; Cameron R. L'economie francaise: passee, present, avenir. Annales E.S.C. 1970. N 5; Crouzet F. Angleterre et France...; Idem. Wars, Blockade and economy: Change in Europe 1792—1815. Journal of Economic History. 1964. Dec. (далее - JEH); Idem Les consequences economiques de la Revolution Annales hictoriques de la Revolution francaise. 1962, N 168 (далее: AHRF); Idem. French Economic Growth in the Nineteenth Century Reconsidered. History. 1974. N 50. HESF. Vol.1—2; Caron F. Les «pays suiveurs»: France et Belgique. Leon P. History economique et sociale du monde. P., 1978. T.3, Idem An economic history of Modern France. L., 1979; O'Brien P., Keyder C. Economic Growth and France, 1780—1914. L., 1978; etc.

6 Адо А.В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. Социальные движения и борьба идей: Проблемы истории и историки. 1982.

7 Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928; Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; Он же. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т.1—2; Кудрявцева М.А. О концентрации и дроблении земельной собственности во Франции в 50—60-х годах XIX в. Французский ежегодник, 1963. М., 1964; Трунский Ю.Г. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862—1962) Проблемы всеобщей истории. Казань, 1969; История Франции. М., 1973. Т.2; и др.

- 8 Soboul A. La Revolution Francaise, 1789—1815 HESF. Vol.1; Voies nouvelles pour l'histoire de la Revolution Francaise. P., 1978; La France contemporaine: Identite et mutations de 1789 a nos jours. P., 1982; etc
- 9 HESF. Vol.1. P.105.
- 10 Ibid. P. 112.
- 11 Bergeron L. Problemes economiques de la France napoleonienne. Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. Juil.—sept. P.502.
- 12 Ibid. P.496.
- 13 Потемкин Ф.В. Промышленная революция... Т.1. С.140.
- 14 Bergeron L. Problemes economiques... P.496.
- 15 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers parisiens du Directoire a l'Empire. P. et al., 1978. P.216.
- 16 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.576.
- 17 Chassagne S. L'Industrie lainiere en France a l'epoque revolutionnaire et imperiale (1790—1810) Voies nouvelles... P.163.
- 18 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.582.
- 19 HESF. Vol.2. P.497.
- 20 Потемкин Ф. В. Промышленная революция... Т.1. С.309, 317.
- 21 Woronoff D. L'industrie siderurgique en France pendant la Revolution et l'Empire. AHRF. 1982. N 247. P.148.
- 22 Vial J. industrialisation de la siderurgie francaise 1814—1864. P.; La Haye, 1967. P. 133.
- 23 Fohlen C. Charbon et revolution industrielle en France (1815—1850) Charbon et sciences humaines. P.; La Haye, 1966. P. 142.
- 24 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.205.
- 25 Fohlen C. Charbon et revolution industrielle... P.144—145.
- 26 HESF. Vol.2. P.498.
- 27 Caron F. Les «pays suiveurs»... P.467—468.
- 28 HESF. Vol.1. P.291, 295.
- 29 Rivet F. La navigation a vapeur sur la Saone (1783—1863). P., 1962. P.154—164.
- 30 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.222.
- 31 Потемкин Ф. В. Промышленная революция... Т.1. С.415.
- 32 Crouzet F. Les debuts de l'industrie des locomotives en France Histoire, economies, societes. Lyon, 1978. P.187—192.
- 33 Потемкин Ф.В. Промышленная революция... Т.1. С.329—331.
- 34 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.192.
- 35 Vial J. Op.cit. P.240—241.
- 36 Newell W. H. The Agricultural Revolution in Nineteenth Century France JEH. 1973. N 4. P.721.
- 37 Caron P. Les «pays suiveurs»... P.482—484.
- 38 La France contemporaine... P.48.
- 39 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.585.
- 40 Markovitch T. L'industrie francaise de 1789 a 1964. Conclusions generales Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 7. 1964. N 179. P.122.
- 41 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.577.
- 42 Markovitch T. Op.cit. P.122; Levy-Leboyer M. La croissance economique en France aux XIX-e siecle: Resultats preliminaires Annales E. S. C 1968. N 4. P.794.
- 43 Markovitch T. Op.cit. P.130; Toutain J.-C. Le produit physique de l'agriculture francaise de 1700 a 1958. Vol.2: La croissance Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 2. 1961. N 115. Suppl. P.128—129; Levy-Leboyer M. La croissance economique. P.802.
- 44 Caron F. Les «pays suiveurs»... P.483—484.
- 45 Levy-Leboyer M. La croissance economique... P.793; Marczewski J. Le produit physique de l'economie francaise de 1789 a 1913 (comparaison avec la Grande-Bretagne) Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 4. 1965. N 163. P.XLIII—XLIV.

- 46 Markovitch T. Op.cit. P.316.
- 47 HESF. Vol.2. P.497.
- 48 Gilles B. Les plus grandes compagnies houilleres francaises vers 1840, essai sur la structure du capitalisme Charbon et sciences humaines... P.165.
- 49 Gilles B. La siderurgie francaise au XIX-e siecle. Geneve, 1968. P.166—167.
- 50 Fohlen C L'industrie textile au temps du Seconde Empire. P., 1956. P.98—103.
- 51 Gilles B. Les plus grandes compagnies... P.161.
- 52 HESF. Vol.2. P.497.
- 53 Ibid. P.567.
- 54 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.404.
- 55 Woronoff D. Problemes de la siderurgie francaise a l'epoque du Directoire. Voies nouvelles... P. 177; Wolff J. Decaseville: Expansion et declin d'un pole de croissance Revue Economique. 1972. N 5. P.765; Crouzet F. Les consequences economiques... P.211.
- 56 Ado A.B. Крестьянство в европейских буржуазных революциях XVI—XVIII вв. Новая и новейшая история. 1983. № 1. С.68—69.
- 57 La France contemporaine... P.68.
- 58 Jobard J.-P. Les disparites regionales de croissance: un analyse economique des departements situes dans le Centre-Est de la France, 1801 — 1962. P., 1972. P. 201.
- 59 Auffret M., Hau M., Levy-Leboyer M. Regional Inequalities and Economic Development: French Agriculture in the Nineteenth and Twentieth Centuries Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. N. Y., 1981. P. 284.
- 60 Voilliard O. Nancy au XIX-e siecle, 1815—1871: Line bourgeoisie urbaine. P.,1978. P.208.
- 61 Mendels F.F. Protoindustrialization: the First Phase of the Industrialization Process. JEH. 1972. N 1. P.241.
- 62 Fohlen C. La concentration dans l'industrie textile francaise au milieu du XIX-e siecle Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1955. Janv.—mars. P.50.
- 63 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.205; Fohlen C. Une affaire de famille au XIX-e siecle: Mequillet—Noblot. P., 1955. P.52.
- 64 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.472.
- 65 Заслуживает внимания анализ сущности и исторического места сельской домашней промышленности в работе: Keyder C. Protoindustrializzazione e aree periferiche Quaderni storici. 1983. N 52.
- 66 Архив Маркса и Энгельса. Т.2(7). С.91.
- 67 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.3. С.446—447.
- 68 Markovitch T. Op. cit. P.130, 139.
- 69 Vial . Op.cit. P.133.
- 70 La France contemporaine... P.66.
- 71 Маркс К., Энгельс Ф Соч. 2-е изд. Т.21. С.344.
- 72 Там же. С.343.
- 73 Там же. С.342.
- 74 Hohenberg P. Change in Rural France in the Period of,Industrialisation 1830—1915. JEH. 1972. N 2. P.22.
- 75 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.95.
- 76 Newell W. H. Op.cit. P.711.
- 77 Soboul Л. Propriete fonciere et condition des terres dans l'Europe napoleonienne: Le cas de la France XV-e Congres des sciences historiques. Bucarest 1980 Vol.3. P.406.
- 78 Markovitch T. Op.cit. P.287.
- 79 Crouzet F. Wars. Blockade and Economic Change. P.568.
- 80 Ibid. P.571—572.
- 81 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.58.
- 82 Caron E. Les «pays suiveurs»... P.484.
- 83 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.574.

- 84 Levy-Leboyer M. Les processus d'industrialisation... P.288.
- 85 Chassagne S. Oberkampf... P.190.
- 86 Voilliard O. Op.cit P.110.
- 87 Ibid. P.118.
- 88 Bergeron L. Banqueurs, negociants et manufacturiers... P.216.
- 89 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.189
- 90 Rivet F. Op.cit. P.155.
- 91 Wolff J. Op.cit. P.770.
- 92 Gille B. Les plus grandes compagnies... P.168
- 93 Markovitch T. Op.cit. P.287.
- 94 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.575.
- 95 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.192.
- 96 Crouzet F. Le charbon anglais en France au XIX-e siecle Charbon et sciences humaines... P.175—176. Богатые месторождения департамента Па-де-Кале были в 40-х годах XIX в. только открыты.
- 97 La France contemporaine... P.78.
- 98 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.482—483.
- 99 Vial. Op.cit. P.134; Fohlen C. La concentration dans l'industrie textile... P.55; Guillaume P. La Compagnie des Mines de la Loire (1846—1854). P., 1966. P.136.
- 100 Markovitch T. Op.cit. P.130.
- 101 Франсуа Круге пишет: «Фазу наиболее быстрого роста французская промышленность пережила в середине XIX в. Высшей точки эта фаза достигла в период авторитарной Империи, но началась она в конце Июльской монархии». См.: Crouzet F. Essai de construction d'un indice annuel de la production industrielle française au XIX-e siècle Annales E. S. C 1970. N 1. P.88.
- 102 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.259.
- 103 Там же. С.94—95.
- 104 Трунский Ю.Г. Характерные черты эволюции французской деревни в XIX—XX вв. Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972. Сб. 3. С.136.
- 105 Marczewski J. Op. cit. P. XLIII—XLIV.
- 106 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes... P.410.
- 107 Voilliard O. Op cit. P. 117—118.
- 108 Levy-Leboyer M. La croissance economique... P.796, 749.
- 109 Marczewski J. Op.cit. P.CXLVI.
- 110 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7. С.17.
- 111 Там же. Т.4. С.46.
- 112 Там же. Т.34. С.290.
- 113 Marczewski J. Op.cit. P.XLV.
- 114 Chassagne S. L'industrie lainiere... P.164—165.